

УДК 81.373

ЛЕКСИКА САМООЦЕНКИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: *ПОКОРНОСТЬ*

Наталья Владимировна Семенова

д. филол. н., профессор кафедры теории и истории языка

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

109651, Москва, ул. Иловайская, д. 9/2. nvsemenova@mail.ru

В статье описана история появления в русском литературном языке слова *покорность*. Отмечено, что данное слово относится к лексике самооценки наряду с такими лексемами, как *гордость*, *кротость*, *смирение* и др. Автор поддерживает гипотезу о том, что в русской языковой картине мира этические оценки выстраиваются на основе экстремальных (парных) номинаций, которые обязательно предполагают промежуточный третий элемент, ярче всего отражающий лингвокультурные предпочтения русского человека. Таковым лексическим элементом в ряду самооценочной «экстремальной пары» *гордость* – *смирение* и является лексема *покорность*. Анализ проведен по словарным данным с привлечением материалов «Национального корпуса русского языка».

Ключевые слова: лексика самооценки; лексикография; история языка; лингвокультурный анализ.

Человеку свойственно оценивать. С этим трудно не согласиться, если представить себе тот внушительный список аксилогически маркированных лексем, который образовался бы, задайся мы целью составить его по результатам сплошной выборки из словарного материала. Человек оценивает не только окружающий его мир, но и мир свой внутренний, а значит, он оценивает себя и свое поведение. Этические оценки чрезвычайно ярки и строятся часто по принципу противоположности: *истина* – *ложь*, *щедрость* – *скупость*, *милосердие* – *жестокость*, *святой* – *грешный* и т.д. Нетрудно заметить, что перед нами «экстремальные номинации», т.е. такие номинации, в основе которых лежат антонимические противопоставления.

Ничего нет странного в том, что экстремальность в оценках человек переносит и в сферу самохарактеристики. Лексика самооценки в русской языковой картине мира довольно четко распределяется по принципу «эмоциональных антиномий». Так, А.В.Санников, посвятившей анализу русской лексики самооценки свое диссертационное исследование, заключает, что русский человек в самохарактеристике оперирует прежде всего или «высокой», или «низкой» самооценкой. Например, высокую самооценку отражают такие лексемы, как *гордость*, *достоинство*, *честь*, *самоуважение*, *уверенность в себе*, *знать себе цену*, а низкую – такие, как *смирение*, *кро-*

тость, *скромность*, *смиреномудрие*, *стыд*, *раскаяние*, *прибедняться*. Примечательно, что «срединных», более или менее нейтральных, оценок русский человек сам к себе практически не применяет, напротив, считает А.В.Санников, он склонен, скорее, к завышенной или к заниженной самооценке [Санников 2006]. Интересно, что любые отклонения от нормы и при высокой, и при низкой самооценке рассматриваются русским человеком как отрицательные, однако у лексики низкой самооценки наличие/отсутствие отрицательной коннотации во многом определяется сферой употребления: в конфессиональной сфере такой коннотации не будет, а в бытовой она обязательно появится. Ср., например, завышенная высокая самооценка: *гордыня*, *себялюбие*, *высокомерие*, *надменность*, *заносчивость*, *спесь*, *амбиция*, *гонор*, *чванство*, *самоуничижение*, *самоуменьшение* и др.

Ярким примером «полярных» самооценок в русской языковой картине мира является пара лексем *смирение* – *гордость*. Не будучи противопоставлениями системными (это не антонимическая пара), они тем не менее воспринимаются в русском контексте в качестве двух противоположностей. И не последнюю роль в таком восприятии играет их культурная история: слова эти пришли в русскую бытовую речь из церковно-религиозного обихода, где традиция их употреб-

ления всегда была строго регламентирована. Именно в церковно-религиозном сознании эта пара лексем изначально осознавалась как аксиологически экстремальная: *смирение* – это безусловно «хорошо»; *гордость* – безусловно «плохо». Однако уже в советское время *гордость* и *смирение*, перейдя в обиходную речь русского человека, стерли свою резкую «полярность» (см. подробнее [Шмелев 2000]). Сейчас и *смирение* не столь однозначно будет расценено как исключительно положительное качество, и *гордость* – уже не такое резко отрицательное свойство характера. Примеры из «Национального корпуса русского языка» в этом плане весьма показательны. Приведем выдержки из двух интервью с двумя сейчас довольно популярными в молодежной среде представительницами шоу-бизнеса. Газетный корпус (корпус современных СМИ), откуда были извлечены эти примеры, интересен прежде всего тем, что он, как пишут его составители, отражает языковые изменения «в режиме реального времени». Сравните фрагменты интервью с Ксенией Собчак и Елизаветой Боярской:

– С Ксенией Собчак: *Незаметные, скромные, воспитанные в духе «не высывайся, будь как все» – с такими ведь легче, не правда ли? Мы не такие! Пусть вас, дорогие тартюфы, мы раздражаем. Но мы не терпим холопской покорности и смирения. Мы не хотим менять убеждения в зависимости от политической конъюнктуры. Мы не хотим, чтобы кто-то определял за нас, как нам жить. Мы сами хотим делать свою жизнь и свою судьбу* [www. ruscorgo.ru: Ксения Собчак, телеведущая. “А судьи кто” // Известия. 2006.14.04].

– С Елизаветой Боярской: – *У вас сложились хорошие отношения с Брыльской? – Прекрасные отношения. Женская дружба. Я к ней отношусь с подлинным восхищением, она – эталон красоты, стати, гордости и колоссальной уверенности в себе. Взглядом она может испепелить любого. Дай мне Бог хоть немножко походить на нее!* [www. ruscorgo.ru: Денис Корсаков, Александр Милкус. Актриса Елизавета Боярская: Дай мне Бог хоть немного походить на Брыльску! // Комс. правда, 2007.25.12].

Итак, и *смирение* сейчас уже не так хорошо, и *гордость* – не так уж и плохо. Самое удивительное, что слово «гордость» появляется даже в определениях *смирения*, причем не как противоположное свойство, а как утверждающий атрибут. Например, определение в «Философском энциклопедическом словаре» выглядит следующим образом:

«СМИРЕНИЕ, покорность – добродетель, которая может возникнуть от сознания, что совершенство (*божество, нравственный идеал, возвышенная цель*), к которому человек стремится, остается бесконечно далеким. Смиренное поведение по отношению к внешнему миру исключает неистинное смирение, представляющее собой собственно самоуничижение и рабскую покорность. *Истинное смирение составляет нравственную гордость*, смысл которой состоит в том, чтобы соизмерять свои силы с недостижимым» [ФЭС 2010].

Размытость, относительность прежних строгих норм в самооценке последовательно отражается в наивной – народной – этике и, соответственно, фиксируется в обиходно-разговорной практике русского человека. Наивная этика вообще не так категорична в нравственных оценках, как полагает Е.В.Верещагин. Вопреки распространённому мнению, считает он, эти нравственные оценки здесь «не сводятся к экстремальным (т.е. *парным*) номинациям, а составляют *триады*, причем срединный элемент в триаде – не нейтрален, а скорее тяготеет к одобряемому умонастроению и поведению. Соответственно добро и зло – асимметричны, и этическое благо, возвышаясь градуально и переходя, по мере накопления количества, в новое качество, – расчленимо на должное и сверхдолжное» [Верещагин 2000: 235].

Это замечание Е.В.Верещагина кажется весьма интересным, но еще более интересна сноска, которую он дает в предварительных словах к своей статье: «триада нравственных оценок соотносится с триадой «нравственных состояний» человека, как они понимаются в христианском вероучении. *Грешник*, или *нечестивец*, противопоставлен *блаженному*, или *праведнику*, но обладание нравственным достоинством допускает градацию и возвышение: *праведник* – это еще не *святой*. *Святость* – удел немногих, тогда как *праведность* и *благочестие* доступны любому и каждому. Иными словами, выстраивается триада состояний *грешный – праведный – святой*» [там же; см. также интересные размышления по этому поводу в: Королева 2009].

Актуальны ли подобные «нравственные триады» и в отношении русских самооценок? Решению этого вопроса и посвящена данная статья. Прежде всего, для нас важно, что полярные члены вероятной нравственной «самооценочной триады» уже известны – это лексемы *гордость* и *смирение* (а также близкое к *смирению* слово *кротость*). Нам остается выяснить «срединный (промежуточный) элемент», если, конечно, он существует.

Как показывает предварительное исследование, в качестве такового «элемента» выступает лексема *покорность*, которая выявляет общую поведенческую основу одобряемых «низких самооценок», к которым относятся *смирение* и *кротость*. Основанием для подобного утверждения служит тот факт, что в определении всех членов синонимического ряда слова *смирение* мы обязательно найдем *покорность*. Рассмотрим словарные дефиниции интересующих нас понятий в «Словаре русского языка» [СРЯ 1985–1988]:

СМИРЕНИЕ, -я, ср.

1. Действие по знач. глаг. смирить – смирять и состояние по глаг. смириться – смиряться (в 1 знач.). 2. Книжн. устар. Отсутствие гордости, высокомерия, сознание своего ничтожества, своей слабости (одна из основных добродетелей по христианскому учению). 3. Кротость, **покорность** [СРЯ 1988: 155].

Для уточнения посмотрим словарные дефиниции соответствующих глаголов:

СМИРИТЬ, -рю́, -ри́шь; прич. страд. прош. смиренный, -рен, -рена́, -рено́; сов., перех. (несов. смирять).

1. Устар. и прост. Сделать **покорным**, послушным. 2. Подавить в себе, сдерживать, унять (какое-л. чувство, желание). *Смирить волнение. Смирить гнев* [там же].

СМИРИТЬСЯ, -рю́сь, -ри́шья; сов. (несов. смиряться).

1. Книжн. устар. Проникнуться смирением (в 1 знач.), стать смиренным. || Прост. Стать **покорным**, послушным. 2. Перестать упорствовать в чем-л., **покориться обстоятельствам**. 3. Уняться, улечься, успокоиться. 4. с чем. Привыкнув, примириться с чем-л. [там же].

Рассмотрим лексическое значение прилагательного *смиренный*. И его словарная дефиниция выведет нас на лексический ряд *покорности*:

СМИРЕННЫЙ, -ая, -ое; -ре́н, -ре́нна, -ре́нно.

1. Книжн. устар. Лишенный гордости, высокомерия, исполненный сознания своего ничтожества. || Устар. Скромный и непритязательный. 2. **Покорный** и кроткий || **Выражающий** кротость, **покорность**. *Смиренная мольба*. 3. Разг. Очень смиренный [там же].

Лексема *кроткий* в определении также имеет интересующий нас лексический ряд:

КРОТКИЙ, -ая, -ое; -ток, -тка́, -тко. Незлобивый, уступчивый, **покорный** || **Выражающий** незлобность, **покорность** [СРЯ 1986: 135].

КРОТОСТЬ, -и, ж. Свойство по знач. прил. кроткий [там же].

Далее материал говорит сам за себя:

ПОСЛУШНЫЙ, -ая, -ое; -шен, -шна, -шно. **Покорный**, повинующийся [СРЯ 1987: 318].

ПОСЛУШАНИЕ, -я, ср.

1. Повиновение, **покорность**. 2. Церк. Обязанность, которая возлагается на каждого монаха или послушника в монастыре, а также работа, обязанность, выполняемая в искупление греха, проступка [там же].

ПОСЛУШЛИВЫЙ, -ая, -ое; -лив, -а, -о. Устар. Послушный, **покорный** [там же].

БЕЗРОПОТНЫЙ, -ая, -ое; -тен, -тна, -тно. Ни на что не жалующийся, не ропщущий; **покорный**. *Бабушка моя была добрая, ласковая и безропотная. Холопов, Гренада* [СРЯ 1985: 75].

БЕЗРОПОТНОСТЬ, -и, ж. Свойство по знач. прил. безропотный [там же].

СМИРНЫЙ, -ая, -ое; -рен и (разг.) -рен, -рна́, -рно, сми́рны и сми́рны́.

1. Кроткий, **покорный**. || Послушный, не шаловливый, не капризный. || Спокойный, послушный. 2. Устар. Траурный [СРЯ 1988: 155].

Если учесть, что сами указанные лексемы являются при дефиниционном анализе слов *тихий* (в 4 знач. *смирный, кроткий*), *спокойный* (в 1 знач. *тихий*) и т.д., то мы должны будем признать, что *покорность* – интегральная сема в семантике практически всех членов синонимического ряда *смирение*.

История появления и утверждения в лексико-семантической системе русского языка лексемы *покорность* не до конца ясна. Лексический ряд с корнем *(по)кор-* мы обнаруживаем еще в старославянском языке. Большой «Словарь старославянского языка» [ССЯ 2006а] фиксирует семь лексем, обозначающих называемое корнем *покор-* свойство: *покорева, покоривъ, покорливъ, покорити, покорь, покар"ти//покор"ти с#, покор~ни~*. Все эти лексемы находятся в семантической области, имеющей непосредственное отношение к *смирению, подчинению и покорению*. Для сравнения отметим, что лексем с корнем *(сь)мhr-*, прямо называющих свойство *быть смиренным, униженным*, больше – 11: *сьмhrити, сьмhrьникъ (сьмhr~никъ), сьмhrьно – сьмhrьнь, сьмhr"ти, сьмhr`~ни~, сьмhr~но – сьмhrьно, сьмhr~ном@дрости~, сьмhr~ном@дростьство, сьмhr~ном@дрости~, сьмhr~нь – сьмhrьнь, вмhrити* [ССЯ 2006б]. Этот факт свидетельствует о том, что для книжно-литературного языка Древней Руси явно предпочтительной самооценкой человека оказывалось перешедшее из греческого языка понятие о *смирении* как о самоунижении и самоумалении в совокупности с подчинением.

Собственно же русский материал дает иные сведения. Так, «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [СлРЯ XI–XVII, 16; СлРЯ XI–XVII, 25] фиксирует соответственно 24 и 22 лексемы. Иначе говоря, словарные данные свидетельствуют о том, что с XI по XVIII в. (в древнерусский период развития языка (XI–XIV вв.) и последующий старорусский период) количество лексем с корнем *покор-* более чем утраивается.

Что же касается лексического ряда с корнем *(сь)мһр-*, то здесь мы таких выводов делать не можем по ряду причин. Во-первых, нужно учитывать то, насколько тщательно исследованы источники *восточнославянской* письменности составителями «Словаря старославянского языка», выпущенного в Чехии (в отечественной практике используется репринтное издание этого словаря). Вряд ли они исследованы достаточно тщательно. Во-вторых, увеличение количества лексем с корнем *(сь)мһр-*, безусловно, происходит скорее всего уже в конфессионально замкнутой сфере, т.е. в церковнославянском, а не в живом восточнославянском (древне- и старорусском) языке. Следовательно, говорить об увеличении этого лексического ряда было бы не вполне корректно: возможно, новые лексемы появля-

лись в обиходе русского человека под влиянием *новых переводов*. Не следует в этой связи забывать и о т.н. «втором южнославянском влиянии»: большое количество композитов с корнем *(сь)мһр-*, фиксируемое на протяжении XV–XVII вв., – яркое тому подтверждение. В-третьих, именно в это время увеличивается количество дублетных форм с созвучным корнем *(с)мир-*. Если в старославянском языке, где аналогичные лексемы тоже были, этот корень, мотивированный основой *мир-*, имел семантику отличную от «смһренного ряда», мотивированного изначально корнем *мһр-* (ср. *мһра*), то в восточнославянском живом языке, в первую очередь, видимо, по причинам чисто фонологического характера, начинается уже активная деэтимологизация, и – по законам «народной этимологии» – сближение паронимичных корней, и соответственно смешение разных по происхождению лексем. Словом, найти точные данные о появлении в языке восточных славян новых лексем с корнем *(сь)мһр-* в означенный хронологический отрезок не представляется возможным.

Общие же сведения о рассматриваемых лексемах по данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.» приведены в таблице.

Распределение лексем с корнем *покор-* и *(с)мһрь-/(с)мир-* по периодам развития русского литературного языка

	<i>покор-</i>	<i>(с)мһрь-/(с)мир-</i>
XI–XIV вв.	покаряти и покоряти, покарятися и покорятися, покоревати, покорение и покоренье, покоривый, покорити ₁ , покоритися, покорливо, покорливый, покорный, покорый (кр.ф. покорь), покорство	смһрение ₁ и смирение, смһрение ₂ , смһрено и смирено(-нно), смһренолюбие, смһреномудренный, с(ь) мһреномудрие и смиренномудрие, смһреномудровати, смһреномудрствие, смһреномудрство, смһреномудрствовати и смиренномудрствовати, смһреномудрый и смиренномудрый, смһреномыслие, смһреномыслити, смһренотһльный, смһреноумие, смһренный и смиренный, смһренье, смһрити ₂ и смирити, смһритися и смиритися, смһрникъ, смһряти ₂ и смиряти, смһрятися и смирятися
XV–XVII вв.	покора, покоренный, покоривати, покорительный, покорникъ, покорность, покорнһ и покорно, покорственно и покорственнһ, покорь, покорчивый, покорь, покорятельный	

Пунктирная линия в таблице означает условность границ между лексемами с корнем *-покор-* по периодам: к началу XVIII в. русский язык обладал *всем* составом приведенных лексем. Разделение их по периодам подчеркивает только момент фиксации лексем в письменных памятниках.

Как видно из таблицы, лексема *покорный* функционировала в русском языке уже в древне-

русский период (лексема *покорность*, безусловно, появляется уже намного позже: ее словарь датирует XVII в.). Однако значительную конкуренцию ей составляли «старославянские прародители» покоривъ и покорьливъ. Они имели более широкое хождение. В старославянском языке они были практически абсолютными синонимами и имели одно значение, примерно соответствующее нашему семантическому ряду ‘покор-

ный' в смысле 'малозначительный, униженный, послушный, уступчивый, скромный, робкий, смиренный' и т.п.

Отметим, что единственное значение прилагательное *покоривый* сохраняет и в древнерусском языке, но у лексемы *покорливый* значение расширяется (что, видимо, свидетельствует о большей востребованности именно этой лексемы). По данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», *покорливый* имеет уже три значения: первое совпадает со старославянским, второе – наиболее для нас интересное – толкуется как 'способствующий покорности, смирению, заставляющий повиноваться', третье – 'убедительный, заставляющий подчиниться убедительным доводам'² [СлРЯ XI–XVII, 16: 170].

Интересно, что «Материалы» И.И.Срезневского для *покорливого* указывают только на одно значение, а именно: 'ведущий ко смирению' [Срезневский 1902: 1114]. Это значение весьма показательно, так как оно полностью согласуется с языковыми фактами: по данным Н.Д.Орловой, прилагательные, образованные с помощью суффикса *-лив-*, в истории русского языка развили общее словообразовательное значение «склонный, способный к действию, названному мотивирующей основой» (ср., например: «ненавистливый» – склонный к ненависти, «запретливый» – склонный запрещать, «цитатливый» – склонный много цитировать [Орлова 1984]. Учитывая славянскую историю слов *покорь/покоря*¹, безусловно послуживших мотивирующей основой, можно не без оснований предположить, что прилагательное *покорливый*, широко распространенное в языке Древней Руси, обозначало самооценку человека, *имевшего склонность к смирению*, но еще не достигшего его, не обладавшего *смирением* как свойством характера. Этот тонкий языковой нюанс, возможно, объясняет своеобразную конкуренцию в языке донационального периода двух однокоренных прилагательных: *покорливого* и *покорного*. Ведь прилагательные с суффиксом *-н*, как известно, выражают самые разнообразные оттенки, имеющие отношение к действию, и обладают возможностью двойкой мотивации – глаголом и глагольным именем. От чего именно образовалось прилагательное *покорный*, вряд ли сейчас можно сказать достоверно. В любом случае в основе его лежат глагольные слова *покорити*₁ и *покоритися*, исконные значения которых соотносимы лексически, но противопоставляемы по грамматической субъектно-объектной направленности: *покорити* – 1. покорить, подчинить; 2. (развивается к XVI в.) принудить, заставить де-

лать что-либо; *покоритися* – покориться, подчиниться [СлРЯ XI–XVII: 170].

Лексема *покорный* акцентирует уже совсем другой семантический компонент, чем *покорливый*. Это уже не самоподчинение (как «склонность к»), а подчинение под влиянием посторонней силы. Таким образом, если значения прилагательного *покорливый* дают основания говорить о *добровольном* подчинении, то семантика прилагательного *покорный* такую трактовку исключает: в языке XI–XVII вв. *покорный* – это: 1) послушный, **подчиняющийся чьей-либо власти**; 2) (с XVI в.) выражающий покорность, смирение; почтительный [СлРЯ XI–XVII, 16: 171].

Итак, есть основания утверждать, что в русском языковом сознании именно *покорность* как свойство характера *покорного* человека выступает срединным членом «самооценочной» триады:

НЕДОЛЖНОЕ	→	ДОЛЖНОЕ	→	СВЕРХОДОЛЖНОЕ
гордость	→	покорность	→	кротость и смирение

Именно *покорность* русский человек считает для себя наиболее приемлемым свойством, которое должно иметь и «приобретать». Подобный вывод позволяет вывести аргументированное, как мы пытались показать, мнение о том, что именно *покорность* является поведенческой основой *смирения, кротости, послушания* и т.д. Словари наглядно демонстрируют, что русский человек выбрал себе такую поведенческую основу. Демонстрируют они и то, что русская покорность – явление особое.

Она отличается и от *кротости*, и от *смирения* прежде всего тем, что предполагает *вынужденное* подчинение своей воли кому-либо/чему-либо, а христианское понимание кротости и смирения абсолютно исключают любое принуждение. Эту разницу очень тонко и точно описал Н.Е.Пестов: «В кротости вся глубина разницы в управлении мира Богом (через Господа Иисуса Христа) и мирскими властями... Последние властвуют и силой заставляют подчиниться себе. Господь ждет добровольного, любовного подчинения Себе воли человеческой, проявляя долготерпение и кротость, которая характеризуется нежностью в обращении с человеческой волей, без малейшего оттенка принуждения», – пишет он. «И все святые, – считает Н.Е.Пестов, – неизменно проявляли кротость к людям. В обращении с людьми они, как и Христос, не проявляли ни малейшего оттенка духовного насилия. Они бережно относились к свободе воли человека и не хотели переламывать ее даже тогда, когда это было бы полезно для человека. Они ждали сво-

бодного доброго произволения сердца человеческого, что только и ценно в очах Бога (*Милости хочу, а не жертвы*) (Мф. 9, 13)» [Пестов 2008]. Святитель Феофан Затворник в своих «Письмах» особенно подчеркивал эту особенность – добровольное подчинение – в *смирении*: «Извольте потверже затвердить, что *смирение приобретает не мыслями смиренными, а охотным подчинением себя смиренным случайностям и отношениям* (курсив мой. – Н.С.). Над Спасителем издевались слуги без всякого толку, шутя, а Он – ни слова. Но уж дело прошло. Случай к деятельному обучению себя смирению пропущен. Положите, по крайней мере, вперед не пропускать их. Враг обыкновенно подбегает и твердит: «Не спускай, иначе заклюют». Врет он. Лучшее охранение от заклевания – смиренная уступчивость» [Феофан 2007: 142]. Но к *смирению*, говорил Ефрем Сирийский, ведет именно *покорность*: «Начало смиренномудрия – покорность. Смиренномудрие да будет у тебя основанием и облачением ответа; речь же твоя пусть будет проста и приветлива. Высокоумие не подчиняется; оно непослушно, непокорно, руководствуется собственными своими домыслами. А смиренномудрие послушно, покорно добру, скромно, воздает честь и малым, и большим» [Добротолюбие 2005].

По каким-то причинам русскому человеку ближе и понятнее стала именно *покорность*, а не *смирение* и сопутствующая ему *кротость*. Именно *быть покорным* квалифицировал он для себя как должное. Возможно, к тому располагала история русского народа с бесконечными ее войнами, завоеваниями и поражениями. Возможно, сказалась «специфичность ситуации» Крещения Руси: процесс этот, как известно, проходил трудно и не везде одинаково мирно. Еще со времен насильственного крещения новгородцев Добрыней, дядей Владимира, и Путятой, тысяцким князя Владимира Святого, осталась поговорка *Путята крестил мечом, а Добрыня огнем*, тогда же, полагают историки, для контроля были введены и нательные крестики [Мокеев 2011]. Это уже потом, позже, Русь стала называться Святой и дала христианству сонм великих подвижников и прославленных святых. Изначально же русский народ *покорно* воспринимал новое учение, *подчинял* свою волю, и отнюдь не всегда добровольно. *Покорность* вообще была изначальным свойством крестьянской Руси, считал Н.А.Бердяев. «Крестьянство, как органический уклад жизни», по его мнению, основано было на покорности высшему. Но эта покорность в истории русского народа нередко перерастала в страшный по своей силе бунт, реакционность, нигилизм, мещанство

и хулиганство. «Бунт из святого восстания против зла превращается в рабью злобу против абсолютного добра, в рабью покорность природному злу», – пишет Н.А.Бердяев [Бердяев 1992: 120]. «Только вольная покорность абсолютной святине делает рабов аристократами, детьми Божиими, только покорность эта порождает самую идею человечества, – продолжает он далее. – Только религиозная покорность, благоговение, отдание себя в волю Бога предохранит от мещанства, к которому привела французская революция в процессе человеческого самоутверждения, и от нигилистического хулиганства, к которому ведет современная анархия духа. В благоговейной покорности Богу, в соединении своей человеческой воли с Его святой волей окончательная, предельная, абсолютножеланная свобода» [там же: 126].

Эти небольшие экскурсы в философские рассуждения интересны еще и потому, что они демонстрируют, насколько легко и свободно оперирует Н.А.Бердяев словом *покорность*. Это слово, как и прилагательное *покорный*, известно и понятно любому русскому человеку, так же хорошо известно и свойство характера, называемое этими словами. Интересно, что «Национальный корпус русского языка» на запрос о прилагательном *покорный* выдает 2057 документов, а о *смиреном* и *кротком* – 1157 и 1460 соответственно. Почти двукратное превосходство прилагательного *покорный* над синонимами – факт показательный. Такие же данные мы получаем по наречиям: *покорно* – 1331 документ, *смирено* – 656, *кротко* – 546 (хотя здесь, конечно, нужно учитывать весьма распространенные примеры устойчивого оборота *благодарю покорно*). Показательно и то, что лексема *покорный* встречается в словарных дефинициях большинства синонимов «смиреного ряда». О чем это говорит? Наверное, о том, что покорность как свойство характера наиболее понятна и близка русскому человеку до сих пор. В его языковой картине мира она прочно занимает место срединного – промежуточного – члена «самооценочной триады»: *покорность*, действительно, расценивается как тяготеющее к «одобряемому умонастроению и поведению», именно как «тяготеющее». Промежуточное положение в триаде самооценок позволяет говорить и о том, что покорность – не абсолютное благо. Подтверждение тому – эпитеты, которыми русский человек наделяет свойство *покорности*: *безмолвная, безответная, безропотная, благоговейная (устар.), боязливая, горестная, жалкая, кроткая, мирная, молчаливая, мрачная, невольная, немая, неодолимая, подобострастная, позорная, послушная, постыдная,*

рабская, робкая, смиренная, терпеливая, тихая, трепетная, тупая, унылая [Горбачевич, Хабло 1979].

Иначе говоря, относительность в оценках, свойственная наивной этике, распространяется и на самооценки: не склонен русский человек давать крайних оценок. *Недолжного* пытается избежать, *должное* старается соблюдать, а к *сверхдолжному* – стремиться.

Примечания

¹ Лексемы покорь и покура в старославянском и в древнерусском языке означали 'покорность, смирение'. Правда, слово покура фиксируют словари только с XVI века. В церковнославянском языке, наоборот, находим только покура – 'раскаяние, покорность'.

² Третье значение, со временем утратившееся, скорее всего, восходит к одному из греческих оригинальных значений лексемы $\pi\epsilon\iota\theta\acute{\omega}\varsigma$, которую древнерусские книжники часто переводили словом *покорливый*. Ср. $\pi\epsilon\iota\theta\acute{\omega}\varsigma$ от $\pi\epsilon\iota\theta\omega$: 1) убеждать, уговаривать; 2) покорять; 3) смягчать, успокаивать (Мф 28:14); 4) угождать, добиваться благосклонности (Гал 1.10); 5) подтверждать, доказывать (1 Ин. 3.19); 6) *мед.* и *пасс.* слушаться, повиноваться, поддаваться убеждению; становиться последователем (Деян 5.36, 37); 7) *перф. акт.* и *пасс.* доверять, доверяться, полагаться, верить, быть уверенным (все ссылки на данные из древнегреческого языка приведены по: [Дворецкий 1958] и уточнены по: [Ньюман 1997]).

Список литературы

Баркли М. Ньюман. Греческо-русский словарь Нового Завета. М.: Рос. Библейское общество, 1997. URL: http://www.greeklatin.narod.ru/dict/img/_163.htm (дата обращения: 19.11.2011).

Бердяев Н.А. Бунт и покорность в психологии масс // ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ – ВЛАСТЬ – НАРОД. Русские источники современной социальной философии: антология. М.: Наука, 1992. С. 117–129.

Верещагин Е.М. Об относительности мирской этической нормы // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред. Н.Д.Арутюнова, Т.Е.Янко, Н.К.Рябцев. М.: Языки рус. культуры, 2000. С.235–245.

Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979. 567 с. URL: <http://www.slovopedia.com/24/207/1648353.html> (дата обращения: 19.11.2011).

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. М.: Изд-во ГИИНС, 1958. URL:

<http://www.slovarus.info/grk.php> (дата обращения: 19.11.2011).

Добротолубие в русском переводе. Т. 2. Киев: PSYLIB, 2005. URL: <http://psylib.org.ua/books/dobrl02/txt50.htm> (дата обращения: 19.11.2011).

Королева С.Ю. Образ праведника в «деревенской прозе» В. Распутина (к вопросу о художественном воплощении народной религиозности) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 1. С.79–89.

Мокеев Г. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства. Ч.1. Феодальный период. 2011. URL: http://www.voskres.ru/architecture/civil1_printed.htm (дата обращения: 19.11.2011).

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Орлова Н.Д. Словообразовательная синонимия отглагольных прилагательных в истории русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1984. 23 с.

Пестов Н.Е. Современная практика православного благочестия. Т.1. Смирение святых, кротость. М.: Сатисъ, 2008. URL: <http://www.portal-slovo.ru/theology/37706.php> (дата обращения: 19.11.2011).

Санников А.В. Самооценка человека в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 28 с.

СлРЯ XI–XVII, 16 – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 16 (*Поднавхсь – Поманути*). М.: Наука, 1990. 295 с.

СлРЯ XI–XVII, 25 – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 25 (*Скорынья – Снулый*). М.: Наука, 2000. 277 с.

СРЯ 1985 – *Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П.Евгеньевой.* 3-е изд., стереотип. М.: Рус. язык, 1985–1988. Т.1. 1985. А – Й. 696 с.

СРЯ 1986 – *Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П.Евгеньевой.* 3-е изд., стереотип. М.: Рус. язык, 1985–1988. Т.2. 1986. К – О. 736 с.

СРЯ 1987 – *Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П.Евгеньевой.* – 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т.3. 1987. П – Р. 752 с.

СРЯ 1988 – *Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П.Евгеньевой.* 3-е изд., стереотип. М.: Рус. язык, 1985–1988. Т. 4. С – Я. 800 с.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т.2. 1804 с.

ССРЯ – Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практ. справочник. Изд-е 11, перераб. и доп. М.: Рус. язык, 2001. 568 с.

ССЯ 2006а – *Словарь* старославянского языка. Репринтное изд.: в 4 т. Т.3. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 680 с.

ССЯ 2006б – *Словарь* старославянского языка. Репринтное изд.: в 4 т. Т.4. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 1054 с.

Феофан (Говоров Г.В.; еп. Владимирский и Суздальский; 1815–1894). Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни / свт.

Феофан, Затворник Вышенский. М.: Лепта Книга, 2007. 791 с. <http://lib.ssau.ru/index.php> (дата обращения: 19.11.2011)

ФЭС – *Философский* энциклопедический словарь. 2010. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/5365 (дата обращения: 19.11.2011).

Шмелев А.Д. Плюрализм этических систем в свете языковых данных // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред.: Н.Д.Арутюнова, Т.Е.Янко, Н.К.Рябцев. М.: Языки рус. культуры, 2000. С.380–389.

SELF-EVALUATION LEXIS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE: *OBEDIENCE*

Nataliya V. Semenova

**Professor of Linguistic Theory and History of Language Department
St. Tikhon's Orthodox University**

The article describes the way the word *obedience* originated in the Russian literary language. The author points out that this word belongs to self-evaluation lexis, along with such lexemes as *pride*, *meekness*, *humility*, etc. The author holds the hypothesis that ethic evaluation in the Russian linguistic world image is formed on the basis of extreme (paired) nominations, which invariably suppose a third intermediate element that reflects most vividly the linguistic-cultural preferences of a Russian. The lexeme *obedience* becomes the third element in the self-evaluation extreme pair *pride – meekness*. The analysis is based on the vocabulary data including the one of “The National Dictionary of the Russian Language”.

Key words: self-evaluation lexis; lexicography; history of language; linguistic-cultural analysis.